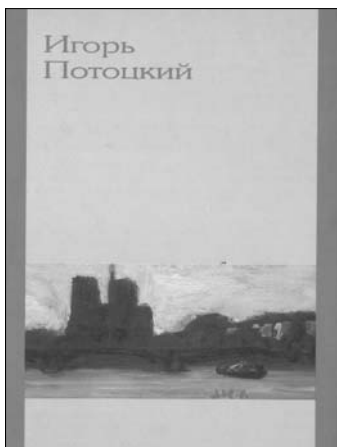

пока живы те, кто помнит о нем. В искусстве на втором поколении лежит огромная ответственность. Оно обязано продлить, зафиксировать все, что помнит".

Особенно приятно, что многие материалы, вошедшие в сборник, были апробированы в нашем альманахе и послужили пищей уму и сердцу тем, кто относит себя ко второму поколению, а также — и третьему, и четвертому.

Феликс КОХРИХТ

"Над вымыслом слезами обольюсь..."

Игорь ПОТОЦКИЙ
Избранные произведения в двух томах
Одесса, Друк, 2006

В "Избранные произведения" поэт и прозаик Игорь Потоцкий включил стихи, написанные за двадцать пять лет, воспоминания об Иосифе Островском и Геннадии Лысенко, а главное, "Парижские повести", вызвавшие комментарии и в Украине, и в России, и во Франции.

Обязателен ли сюжет в романе, в повести?...

А есть ли сюжет в человеческой жизни?..

Течет время, меняемся мы, точнее, наша оболочка, а человек воспринимает себя (прочь все зеркала!) навсегда двадцатипятилетним...

И время не зависит от пространства, даже если это пространство уже не Одесса, а Париж...

Какие-то такие, сумбурные мысли одолевали меня, когда я сел перечитывать маленькую повесть Игоря Потоцкого "Улица Розье". От первого чтения осталось впечатление погружения в Париж, радостной встречи со знакомыми по стихам и рисункам русскими парижанами...

Второй раз я перечитывал повесть в дни, когда отмечалось 65-летие расстрела евреев в Бабьем Яру, одной из трагических страниц в истории Великой Отечественной войны, а точнее, в мировой истории.

И естественно, события дня текущего определяют и настроение, состояние, в котором читаешь литературу, на чем сосредоточиваешь свое внимание. И если в первом чтении я воспринимал книгу как ликующе радостную, то во втором, сегодняшнем, я ощутил трагизм жизни героев, а может быть, даже автора, ищущего свои еврейские корни, бесконечно давно оторвавшегося от них и вновь пытающегося душевной болью связать воедино жизнь поколений, прошедших через все мировые войны, ассимиляцию, Холокост.

И наверное, для такого поэтического произведения (я не оговорился, бывают романы в стихах, но бывают и стихи в прозе) автор не случайно выбрал сюрреалистический принцип смещений времени, где живые и мертвые естественно общаются, где нереализованные желания (о старина Фрейд, — кстати, тоже еврей!) описываются как сбывшиеся и выглядят столь реалистично, что понимаешь, все в этом мире обман, кроме вымысла, становящегося правдой.

А Париж — будь то улица Розье или Елисейские поля, как всегда, прекрасен. Не случайно автор декларирует свою любовь к Бальзаку. И удивительны здесь не только здания, но и реальные люди, и возникшие в воображении автора персонажи.

Дочитываешь этот цикл стихотворений в прозе и понимаешь, что у улицы Розье нет и не может быть конца. Сколько раз автор будет возвращаться в Париж, столько раз он будет встречаться с бабушкой Рахилью, с прекрасной Баськой, вобравшей в себя прелесть французского распутства и еврейской невинности, с реальными друзьями, известными уже многим одесситам, — Виталием Амурским, Николаем Дронниковым, Сержем Канторовичем...

— А недостатки, просчеты? — спросит скептический читатель. — Что-то в последнее время наша критика стала только комплиментарной...

Успокою скептиков. И в этой повести есть стилистические огрехи, переизбыток цитат, мало ли что еще есть. Но не просчеты остаются в сердце, а нежность, которой одухотворил автор своих героев. И конечно же, горечь утрат, боль о трагедии еврейского народа и радость полноты нынешней жизни... в Париже, на улице Розье.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ